

Жанровая типология способов внушения в психологии и около неё

(путь Калиостро от Фрейда до НЛП)

Волков Е. Н., Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского

(Доклад на международной научной конференции «Пушкин и Калиостро. Внушение в искусстве и в жизни человека», Пушкинские Горы, 13-17 июля 2004 г.)

Публикации:

Волков Е. Н. Жанровая типология способов внушения в психологии и около неё (путь Калиостро от Фрейда до НЛП) // Пушкин и Калиостро. Внушение в искусстве и в жизни человека. Сборник статей. — СПб.: Пушкинский проект, 2004. — С. 91-100. (0,6 п.л.)

Волков Е. Н. Жанровая типология способов внушения в психологии и около неё (путь Калиостро от Фрейда до НЛП) // Журнал практического психолога. 2006. № 1. — С. 77-87. (0,6 п.л.)

«Жанр — 1. Вид художественных произведений, характеризующийся теми или иными сюжетными и стилистическими признаками. 2. Живопись на бытовые сюжеты. 3. *перен.* Манера, стиль»¹.

Этот доклад я начинаю с прояснения термина, чтобы обозначить главную проблему — необходимость ясной маркировки критических точек человеческой коммуникации. Жанровые обозначения в филологии и искусствоведении как раз выполняют функции маркировки — сказка, роман, (научная) фантастика, фэнтэзи, документальная повесть, мемуары, опера, оперетта, мюзикл, парадный портрет, пейзаж и т.д. В социальных науках тоже есть некое подобие жанровых делений — теоретическая монография, научно-популярный текст, отчет об эксперименте, учебник (кстати, российские и американские университетские учебники — два сильно отличающихся жанра) и т.д. Религиозная литература также типологизирована на главные священные тексты (священные откровения), апокрифы, жития, труды отцов церкви, богословские работы.

В художественной литературе авторы нередко сами под заголовками своих произведений обозначали и обозначают их жанр, чтобы быть максимально точно понятыми читателями. В современных же СМИ, иногда и в художественном кинематографе, возникает существенная проблема для потребителя (читателя, зрителя): как определить, что он в данный момент потребляет — «натуральную» профессиональную продукцию или рекламную (пропагандистскую) проплаченную «джинсу» (в кино — неслучайное использование определенных продуктов и товаров героями фильмов, смешиваются жанры рекламы и, например, боевика или мелодрамы).

Ярким примером сочиненного жанра коммуникации является пиар (публик рилейшнз), смесь из искусства пропаганды и прикладного использования научной психологии, а вернее — просто облагороженная новым названием пропаганда². Так искусство идеологического внушения подтасовывает свои жанры, чтобы быть более уважаемым — и еще более способным на внушение. Открыто заниматься научной или похожей на научную разработкой пропаганды — очевидный моветон, а вот защищать диссертации по «public relations», т.е. по благородным «связям с общественностью», — это вполне к лицу добропорядочному человеку. И публика блаженно расслабляется, поверив, что отдел пропаганды ЦК КПСС занимался, конечно же, совсем другим.

Возникновение собственно научной психологии в конце XIX века сопровождалось параллельным изобретением смеси как бы научной монографии с некими как бы культурологическими и историческими эссе, представляющими собой, по сути, «свободно-ассоциативные»

фантазии одной личности — Зигмунда Фрейда, который беллетристическими домыслами восполнял несостоятельность своей научной методологии и профессиональной практики. Фрейдизм приобрел популярность и респектабельность не благодаря своим практическим успехам в психотерапии или психиатрии, не благодаря научным прорывам в познании человека, а благодаря сочинению универсального набора пошлых сюжетов, скрещенных с авторитетом науки. Благодарное искусство превратило, в свою очередь, психоанализ в ходячий сюжет и тоже чуть ли не в отдельный жанр.

Американский радиокомментатор Ян Шоулз как-то весьма язвительно высказался в адрес отца психоанализа: «Зигмунд Фрейд был недоделанным венским шарлатаном. Наша литература, культура и фильмы Вуди Аллена были бы сегодня лучше, если бы Фрейд никогда не написал ни строчки»³. В конце этой статьи приводится пример трагических последствий увлечения психоанализом, который подтверждает справедливость процитированной оценки.

Во второй половине XX века прием скрещивания жанров и выведения их новых видов (скорее, в духе Лысенко, а не Мичурина) в психологии и около нее приобрел массово-поточный характер, поскольку доказал свою как внушающую, так и маркетинговую, эффективность. «Импортный» пример — так называемое нейролингвистическое программирование (НЛП), отечественный — соционика (типология личности по литературным героям и по реальным историческим личностям).

Особый характер подобное «творчество» приобрело в целой отрасли по производству новых «Откровений» и «Абсолютных Истин», включающей в себя сотни и тысячи гуру и миллионы их адептов. Холистически самоактуализирующиеся и эзотерически продвинутые массы в движении Нью Эйдж и в тысячах деструктивных культах потребляют, по определению Р. Лифтона, «священную науку» (sacred science). Это, по сути, межвидовое скрещивание литературы жанра фэнтези, священных откровений и наукоподобных текстов.

«Импортный» пример — практически открытое утверждение о чудесном познании истины в следующей характеристике книги (Хаббард Л. Р. Дианетика. Современная наука душевного здоровья: Учебник по Дианетике), содержащей в своем названии понятия «наука» и «учебник»: «Эта книга — часть работ Л. Рона Хаббарда, разработавшего ДИАНЕТИКУ®, технологию духовного излечения. Она представлена читателю как запись наблюдений и исследований человеческого разума и духа, а не как заявления автора»⁴. Суггестивность последней фразы, возможно, открывается не сразу, однако при внимательном критическом прочтении во второй и последующие разы начинаешь видеть в ней такое количество умолчаний и одновременно безосновательных утверждений, что возникает некоторое уважение к подобному искусству «упаковки» дезинформации.

Начну с конца. Что означает отрицание «не как заявления автора»? Чьи же они? Понятно, конечно, что подлинный смысл расшифровывается так: «это не субъективные мысли и наблюдения обычного человека по имени Рон Хаббард», т.е. это негация обыденности, общности текста, принадлежности его к распространенным формам и жанрам, в частности, к неизбежно субъективным научным трудам «обычных» авторов. Этим отрицанием утверждается непринадлежность данного текста к привычному жанру книг, в названии которых сочетаются слова «наука» и «учебник».

А что же утверждается прямо, без столь сложных спиралей отрицаний? Что указанный текст — это «запись наблюдений и исследований человеческого разума и духа». Опять же не так просто сразу разглядеть подвох в таком словосочетании, но при некоторых герменевтических навыках и знакомстве с жизнеописанием Р. Хаббарда и другими его мессианскими откровениями появляется возможность раскодировать и эту часть суггестивного послания. Вот ее содержание: Р. Хаббард непосредственно, без каких-либо субъективных искажений, воззрелся на истины о человеческом разуме и духе и зафиксировал их. «Тут примчались санитары и зафиксировали нас...», а все откровения, надиктованные святыми духами остальных конфессий, адепты Хаббарда предлагают сдать в утиль. Таким образом, этим утверждением отрицается принадлежность текста Р. Хаббарда к явлениям обычного человеческого

мира, утверждается отнесение его к жанру «святых откровений, чудесным образом абсолютно-истинных».

Итак, в рамках одного, относительно короткого, предложения обнаружили следующие суггестивные конструкции и жонглирование жанровыми обозначениями: отрицающее утверждение и утверждающее отрицание, настаивающие на закодированном послании о чуде «Откровения», которое явлено в представляемом тексте вместе с ярлыками «наука» и «учебник». Достаточно краткое аналитическое разоблачение суггестивной фразы размером в три строчки потребовало три абзаца, за которыми в действительности стоят сотни и тысячи других текстовых абзацев, суггестивных, контр-суггестивных и рефлексивных, составляющих марафонскую тренировку навыков рефлексии и сопротивления суггестии.

Отечественный пример — движение «Анастасия», образованное на основе фэнтэзийных писаний В. Мэгре⁵. Подобных примеров, в действительности, огромное количество, а количество, как известно, имеет склонность образовывать новое качество. Новообразования же, если вспомнить медицину, нередко свидетельствуют об опасной патологии.

Роберт Лифтон, известнейший исследователь «промывания мозгов» в коммунистическом Китае, характеризовал это явление так: «... В наш век нечто должно быть как научным, так и духовным, чтобы иметь существенное влияние на людей»⁶ и «... Философские короли современного идеологического тоталитаризма укрепляют свой авторитет, претендуя на свою долю в богатом и уважаемом наследии естествознания»⁷.

«Дорожный знак в порядке, — если он в нормальных условиях выполняет свою задачу»⁸. Так считал Л. Витгенштейн. Точное обозначение жанра того или иного текста — хороший дорожный знак для соответствующего предуготовления себя для столкновения с разными типами внушения. Но это не снимает с человека необходимость определения и распознавания «нормальности» — ситуации ли, текста ли, поведения ли другого человека, а также понимания того, чью и какую задачу выполняют жанры-«мутанты».

Я остановлюсь на наиболее хорошо известных мне процессах жанровых мутаций, явно опирающихся на внушение, которые Р. Лифтон так удачно назвал «священной наукой». Далеко не случайно выбранное им английское прилагательное *sacred* имеет следующие оттенки значения: святой; божественный, духовный (имеющий отношение к религии, церкви), неприкосновенный. Соответственно, полное определение *sacred science* может быть переведено как «святая, божественная, духовная и неприкосновенная наука». Получается что-то вроде «горячего льда» или «охлаждающего огня», однако сущность феномена схвачена очень точно. Соотношения и формы «святости» и «научности» могут быть разнообразными — например, история сайентологии Р. Хаббарда иллюстрирует формальное движение от «науки» к «религии» («церкви»), тогда как движение НЛП (нейролингвистическое программирование) попыталось выстроить свою мифологическую историю от «опыта гениев практики» к «практической гениальной науке», — но в любом случае «священной науки» сталкиваешься с первоначальным «откровением» (набором «Абсолютных Истин», явленных недокументированным и неизвестным науке образом) и со стремлением поддержать и усилить суггестивную мощь «откровения» при помощи зачарованных армий адептов, с одинаковым фанатизмом отдающим эйфории внушенной абсолютно-истинности как преимущественно «религиозных», так и преимущественно «научных» суггестивных фантазий.

Почти навскидку предлагаю небольшой перечень имен, организаций и концепций: А. Фоменко («новая хронология»), Е. Марченко («Радастея»), Р. Хаббард (церковь сайентологии), Х. Ливрага («Новый Акрополь»), соционика, НЛП, психоанализ, мунизм (церковь Объединения), В. Мэгре («Анастасия»). Что их всех объединяет, с моей точки зрения?

Все они — представители тех или иных разновидностей «священной науки». Вот основные варианты жанровых «скрещиваний», примерами которых они являются:

- священное откровение + «наука»⁹ (Хаббард, Мун);
- фэнтэзи + ньюэйджевская эзотерика + священное откровение (Мэгре);
- миф + «наука» (психоанализ, прежде всего Фрейд и Юнг);
- «практика» + «наука» (НЛП);

- художественный роман в жанре дневника самовлюбленного героя + «наука» (Фрейд);
- междисциплинарная монография (история + математика + астрономия + еще что-то) + фальсификация (А. Фоменко, «новая хронология»). Жанр фальшивки, хочу заметить, один из старейших в человеческой культуре;
- художественная литература разных жанров + биографии исторических личностей + «наука» (соционика). Замечу, что основным источником для соционики послужила типология личности К. Юнга, творца одного из вышеперечисленных жанров;
- физико-техническая монография + фантастика + графоманско-патологическая поэзия (ритмология Евдокии (Дуси) Марченко и ее культ «Радастея»);
- философский трактат + дилетантская и фальсифицированная история + политическая программа (Х. Ливрага и культ «Новый Акрополь»).

Этот список может быть почти нескончаемо длинным, но для иллюстрации анализируемого явления приведенных примеров, думаю, достаточно. Учитывая междисциплинарный характер нашей конференции, к тому же объединившей художественную литературу и социальные науки, предвижу замечания, что не все жанровые смещения и мутации обязательно опасны и плохи¹⁰. Спешу с этим согласиться и подчеркнуть, как и в первом докладе, свое стремление не валить все в одну кучу, а искать принципы и критерии различения конструктивных и деструктивных процессов в культуре.

Чем наиболее характерны те примеры, которые я привожу? Прежде всего, попытками объединить именно суггестивный потенциал перечисленных жанров, их «гипнотические» способности, вольно или невольно накопленные при функционировании в культуре в чистом виде. В этих «священных науках» два основных элемента — произвольные построения («откровения» разного содержания и разного стиля) и те или иные знаки «научности», т.е. одновременные претензии и на авторитет религии или некоего тайного (мистического) знания и на авторитет пытливей, обстоятельной и почти всемогущей науки.

В качестве первого примера того, как выглядит и как изъясняется «святая наука», я выбрал «Принцип Объединения в основных чертах», «труд, вобравший в себя плоды восточной мудрости и западной философской мысли»¹¹. В действительности это типичный пример чисто суггестивного текста, имитирующий «глубокие основания» под мелким содержанием идей корейского «мессии» Сан Мьёнг Муна.

Вот как изображено и описано в этом труде нечто под названием «действие отдавания-и-принятия»:



для существования, преумножения или воспроизводства, и действия»¹².

Подобное глубокомыслие на пустом месте весьма распространено в этих «новых» жанрах, поскольку обладает довольно сильным завораживающим действием.

«Идеальные коррелятивные отношения субъекта и объекта достигаются при наличии совершенного постоянно возобновляющегося взаимодействия между ними. Такое взаимодействие между субъектом и объектом вызвано универсальной изначальной силой и называется *действием отдавания-и-принятия*. При наличии действия отдавания-и-принятия между субъектными и объектными аспектами одного элемента творения или между различными элементами творения возникают все силы, необходимые



А такой картиночной схемой обосновывается утверждение о том, что Корея стала «третьим Израилем» в начале XX в. и поэтому именно в этой стране должен был появиться новый «истинный Мессия»¹³:

В этой схеме мы видим объединение жанра «арифметики» с жанром «наглядности и схематизма», которое заменяет собой все сколь угодно осмысленные объяснения связи этих исторических событий и чисел. Весьма характерно, что на 400 страниц текста «Принципа Объединения в основных чертах» приходится 200 до 300 подобных «объяснительных» схем.

Другой пример — «откровения» Евдокии Марченко, бывшей выпускницы факультета астрофизики и геодезии УрГУ, проработавшей лет в ракетных войсках специалистом по системам ориентации по звездам. В конце 80-х годов прошлого века она занялась экстрасенсорикой и создала свое учение — «ритмологию». Я приведу как пример текста «научного» обоснования, так и пример самого изобретенного инструмента.



Сначала — отрывок из статьи «Способ корректирующего воздействия на организм человека для нормализации его функционального состояния», помещенной в сборник с названием «Перспективные информационные технологии и интеллектуальные системы» (Е. Марченко является соавтором этой статьи и в ней пропагандируется именно ее «ритмология»): «Проблема здоровья вызвана большими или меньшими отклонениями от равновесия энергетической и информационной составляющей энергоинформационного поля человека. Причинами отклонений энергетической составляющей являются не выверенные чувственно и эмоционально отношения с окружающим миром, вызывающие либо переизбыток, либо недостаток энергии на любом уровне общения. Результатом такого общения являются различного рода обиды, при выявлении которых оператор-ритмолог определяет характер причины проблемы здоровья, вызванной отклонениями энергетической составляющей. Отклонения энергетической составляющей приводят к различным физиологическим расстройствам, в основе своей лежащими в дисбалансе энергетики сердца и чувственного диапазона восприятия» (с. 60).

Максимум реального содержания, которое можно извлечь из этой длинной цитаты, уместается в идее, что эмоциональные дисгармонии и расстройства могут вызывать у человека соматические, телесные недуги. Все остальное — набор суггестивных пустышек-наполнителей, вроде «энергоинформационного поля».

С помощью чего же Е. Марченко, «астроном-солнечник, кандидат естественных наук, член Союза ученых Санкт-Петербурга, автор 170 книг и более 400 уникальных лекций-семинаров», предлагает оздоравливать это неизвестное науке поле? С помощью сочиненных ею «ритмов», а точнее, бессмысленного или графоманского набора слов, которые и заполняют больше сотни ее книг. Вот некоторые образцы:

«Сто распределяется / милостью падших / силы нашедших / для возврата в пенаты / Ангелы свободны / Состоялось!»¹⁴

«Прощальная пульсация изъяла пустоту определяясь айсбергом / Ажурная вязь веерным / Легким невесомым движением / Творит сокровенное таянием и кристаллизацией» (Янтра Сотворения).

«Опознать Манну и опереться, / Состояться и отдать долг, / взрастивший тебя, / Трансмутировать в плазмод, / Подарить нуждающимся / не Манной, льющей под ноги / и поправной, / а плазмодом заслуженным» (отрывок из ритмологического произведения «Манна небесная»)¹⁵.

И на подобную приманку попадают весьма умные и вполне здоровые психически люди, о чем я знаю из собственного консультативного опыта. Насколько же более «обаятельными и привлекательными» оказываются концепции и тексты, гораздо тоньше и умнее имитирующие «научность» и «нормальность», гораздо изощреннее скрещивающие внешние признаки научных и ненаучных жанров вместо подлинной работы мысли, опирающейся на лучшие достижения науки и культуры, и честной коммуникации!

В качестве примера такого более искусного суггестивного продукта и его результатов я выбрал психоанализ, поскольку именно с ним связано одно из самых ярких и страшных суггестивных преступлений. Примерно в начале 1980-х годов в США кому-то из психоаналитически ориентированных психотерапевтов пришла в голову мысль, что инцест распространен гораздо шире, чем об этом говорит статистика ставших известными случаев. По психоаналитической логике, это такое травмирующее событие в жизни ребенка, что оно потом погружается в «глубины бессознательного» и как бы исчезает из памяти, но его можно извлечь оттуда с помощью фрейдистской психотерапии. Так началась «охота за инцестом», которая по своей сути очень напоминала известную средневековую «охоту за ведьмами» и которая принесла во многие американские семьи не гипотетические, а весьма реальные драмы и даже трагедии¹⁶.

Механизм работал просто — уже взрослым людям, приходившим к тем психотерапевтам, которые присоединились к «изысканиям инцеста», внушали, что именно они должны вспомнить из своего детства. Различные реальные жалобы трактовались как следы инцеста и, естественно, находились люди, поддававшиеся авторитету и серьезности вроде бы ответственных профессионалов.

Одним из наиболее невероятных случаев того, как механизм суггестии может превратить невинного человека в мишень для навешивания фантастических преступлений, причем таким образом, что он и сам начинает в это верить, приводится в книге Э. Аронсона и Э. Пратканиса «Эпоха пропаганды». Суть дела в том, что две дочери (22-х и 17-ти лет) вполне добродушного американца Пола Ингрэма сначала поддались суггестии воспитательницы в летнем лагере, усиленно подбивавшей своих подопечных «вспомнить все» и при этом точно описывавшей это «все». Затем сам Пол, находясь под следствием и под давлением всех окружающих и общавшихся с ним людей, в какой-то момент усомнился в своей собственной памяти и разуме и тоже «вспомнил все», которое включало признание следующего: что «он со своей женой Сэнди в течение семнадцати лет осуществлял сексуальное насилие по отношению к собственным дочерям», «что был лидером сатанинского культа, занимавшегося ритуальными убийствами младенцев и животных на его ферме, а свой городской дом сделал штаб-квартирой для шайки педофилов (включая двух местных полицейских), которые регулярно напивались и насильовали Джули» и что «одна из дочерей была беременна от него, но он вынудил ее сделать аборт»¹⁷.

Несмотря на то, что никаких реальных доказательств этих преступлений так и не было обнаружено, а большинство экспертов уверено, что Пол Ингрэм невиновен, он до сих пор отбывает двадцатидвухлетнее заключение. Так психоанализ продемонстрировал, как можно сделать реальностью выдуманные ужасы, всего лишь объединив жанр готического романа ужасов и жанр психотерапевтического консультирования.

Хочу в заключение еще раз настойчиво заявить — только ясное, научно обоснованное и критическое представление о свойствах человеческой психики и, в частности, о суггестии, донесенное до всех профессионалов, имеющих дело с людьми (психологов, педагогов, юристов, правоохранителей, деятелей СМК, культуры, искусства и т.д.), и широкое просвещение о том же на всех уровнях образования большей массы населения может сделать суггестию в меньшей степени орудием манипуляций и преступлений и в большей — одним из хорошо контролируемых и конструктивных инструментов культуры и коммуникации.

Примечания

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азъ Ltd., 1992. — С. 192.

² Исторический очерк жанров влияния и определение пропаганды хорошо даны в: Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. — СПб.: прайм-Еврознак, 2002. — С. 24-34.

³ *The Portable Curmudgeon*. Compiled and edited by Jon Winokur. A Plume Book, NY, 1992, p. 103. Ян Шоулз (Ian Shoales) — это псевдоним американского комедийного актера и эссеиста Мерла Кесслера (Merle Kessler). О своей работе в качестве радиокomentатора Яна Шоулза он высказался так: «Это его работа — говорить «нет» в мире, в котором каждый говорит «да» любой убогой и необоснованной идее, свалившейся невеселью откуда». (Ibid., p. 277).

⁴ Хаббард Л. Р. Дианетика. Современная наука душевного здоровья: Учебник по Дианетике. — М.: Воскресенье, Нью Эра Паббликейшнс Груп, 1993. Эта фраза печатается на странице с выходными данными книги.

⁵ См.: Иванов П. Культ Анастасии: лесной соблазн постсоветской интеллигенции: о секте «анастасийщины» // Материалы международной научно-практической конференции «Тоталитарные секты — угроза XXI века». Нижний Новгород, 23-25 апреля 2001 г. — Нижний Новгород: изд-во Братства св. Александра Невского, 2001. — С. 144-174.

⁶ Lifton, R. J. *Cults: Religious Totalism and Civil Liberties*. In: *The Future of Immortality and Other Essays for a Nuclear Age*. New York, Basic Books, 1987.

⁷ Лифтон Р. Технология «промывки мозгов»: Психология тоталитаризма. — СПб.: прайм-Еврознак, 2005. — С. 508.

⁸ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. — М.: Гнозис, 1994. — С. 121.

⁹ Я ставлю слово «наука» в кавычки, чтобы обозначить имитативность, «псевдность» притязаний на науку в перечисляемых жанрах-«мутантах».

¹⁰ Яркий пример конструктивного и продуктивного синтеза жанров научной монографии и художественного романа (или романизированной пьесы) — работы американского социолога, социолингвиста и социального психолога канадского происхождения Ирвинга Гоффмана (Erving Goffman), который с помощью своего драматургического подхода реализовал в научной социологии затертую шекспировскую метафору «весь мир — театр, а люди лишь актеры на подмостках». См., напр.: Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева — М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.

¹¹ Принцип Объединения в основных чертах. — М.: Арт-Бизнес-Центр, 1995. — С. 4.

¹² Принцип Объединения в основных чертах. — С. 48.

¹³ Принцип Объединения в основных чертах. — С. 393.

¹⁴ Зайцев В. Радастея: космический соблазн постсоветской интеллигенции // Материалы международной научно-практической конференции «Тоталитарные секты — угроза XXI века». Нижний Новгород, 23-25 апреля 2001 г. — Нижний Новгород: изд-во Братства св. Александра Невского, 2001. — С. 179.

¹⁵ Документ WWW: http://www.sib.ru/~oberon/old_web/radast.htm.

¹⁶ См.: Беннетс Л. Кошмары на главной магистрали / Л. Беннетс // Диалог. — 1994. — № 9-10. — С. 55-70.

¹⁷ Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды. — С. 65-66.